

УДК 316.6:37.035.6

DOI10.19110/1994-5655-2019-4-62-71

В.А. ТИШКОВ*, Ю.П. ШАБАЕВ**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ФОРМЫ СОХРАНЕНИЯ, КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

**Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва*

***Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар*

*valerytishkov@mail.ru,
shabaev@mail.illhkomisc.ru*

V.A. TISHKOV*, YU.P. SHABAEV**

HISTORICAL MEMORY: FORMS OF PRESERVATION, CONSTRUCTION AND PRESENTATION

**Institute of Ethnology and Anthropology, RAS,
Moscow*

***Institute of Language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktывkar*

Аннотация

Историческая память оценивается как часть культурного капитала и анализируются различные формы ее презентации, которые получили распространение в последние десятилетия. Дается критический анализ так называемой «политики памяти», которая стала не только частью образовательных практик, но и важной составляющей общей культурной политики во многих странах мира, нацеленной на гражданскую интеграцию. Одновременно дается оценка политических практик, связанных с использованием ресурса исторической памяти для решения текущих политических проблем и построения новых исторических мифов, опровергающих прежнее прочтение исторических фактов.

Ключевые слова:

историческая память, этничность, идентичность, история, нация

Abstract

The paper deals with the phenomenon of historical memory and its role in the formation of national identity. Historical memory is considered as part of the cultural capital, various forms of its presentation, which have become widespread in recent decades, are analyzed. A critical analysis of the so-called “memory policy”, which has become not only a part of educational practices, but also an important component of the general cultural policy in many countries of the world aimed at civil integration, is given. At the same time, an assessment of political practices related to the use of the historical memory resource for solving current political problems and building new historical myths that refute the previous reading of historical facts, is also given. Such practices called “war of memory”, are defined by the authors as symbolic wars with the past, those associated with the denial of inconvenient facts of history, with the exclusion from the national versions of the history of those pieces that do not fit into the new historical concepts and myths created for the image of “correct past” of the country and a symbolic revenge for its defeat and resentment. It is shown that they try to turn history into a “convenient” tool for politicians and for a society that does not accept the idea of shared responsibility for its past (including responsibility for crimes against humanity), justifying the dictatorship of dominant groups over minorities, or vice versa - turning minority cultures into the core and the main symbol of the historical narrative. The authors emphasize that the most important function of historical memory is the formation of a citizen and the strengthening of a common civic identity, but it is still not fully taken into account in Russian regional educational concepts and programs.

Keywords:

historical memory, ethnicity, identity, history, nation

Введение

Известный российский специалист в области этнополитики Л.М.Дробижина замечает: «Представления и чувства идентичности формируются системой образования, СМИ и художественной культурой, символами и ритуалами, языком, религией, историческим наследием как частью культурного капитала» [1]. В этой связи полезно обратить внимание на такую важную составляющую культурного капитала нации, как ее историческая память. «В современном гуманитарном знании концепция исторической памяти стала одной из самых востребованных. К ней обращаются не только историки, но также социологи, культурологи, писатели и, конечно, политики. К сожалению, должного понимания сути этого явления нет. Очень часто история и историческая память воспринимаются как синонимы, однако это не так... Изучение истории направлено на наиболее точное отражение прошлого... Наоборот, устная традиция передачи информации о прошлом мифологична. Она характеризуется тем, что память сохраняет и «воспроизводит» сведения о прошлом на основе воображения, порожденного чувствами и ощущениями, вызванными настоящим. Воспоминания о прошлых событиях, как давно уже установили психологи, воспроизводятся через призму настоящего. Недаром у древних греков Мнемозина была одновременно богиней памяти и воображения», – пишет М.В.Соколова [2].

Очевидно, что знание о прошлом, поддерживаемое с помощью системы образования, идея исторической преемственности поколений, культивируемые в информационном пространстве представления об общем происхождении народа, общих подвигах и героях, общих потерях и потрясениях, позволяют формировать разделяемые обществом в целом представления о прочном и исторически обусловленном единстве граждан той или иной страны.

Формы исторической памяти и способы ее актуализации

Формы исторической памяти могут быть различными. Как подчеркивает О.Леонтьева, «в сфере внимания специалистов по исторической памяти находятся “коммуникативная память”, охватывающая воспоминания трех-четырех живущих ныне поколений, – и “культурная память”, соединяющая современность с давним прошлым; память “мягкая” (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях), – и память “жесткая” (закрепленная в форме разнообразных “мест памяти”, музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов); обыденные представления о прошлом – и эволюция профессиональных, научных практик историописания» [3]. Однако, при всем различии форм исторической памяти очевидно, что память эта начинается с отдельной личности и ее окружения, т.е. это чаще всего семейная память, связанная с памятью о поколениях предков, с которыми человек связан кровно-родственными связями. Обычно у современ-

ных людей эта память не очень глубока и не распространяется глубже, чем на третье-четвертое поколения кровных родственников, но у многих народов память о предках имеет важное символическое значение и их представители знают всех своих предков вплоть до десятого поколения и более, а традиции поминовения предков являются важной частью их культуры (хотя они в той или иной форме есть в любой этнической культуре). Семейная память нередко передается в устной форме, как и местные предания о первопоселенцах села, об истории его возникновения, о прошлой жизни. Но свою роль играют и личные архивы, биографические описания, семейные фотоальбомы и реликвии, такие, к примеру, как ордена и медали, полученные за подвиги на различных войнах, старинные сарафаны, пошитые еще прабабушками, иконы, передающиеся по наследству и иные материальные свидетельства прошлой жизни. К сожалению, в России народ, который пострадал от революций и войн в XX в. больше, чем многие другие народы Европы, овеществленных элементов памяти в семьях сохранилось немного. Но потребность в ее актуализации есть, о чем свидетельствует распространяющаяся практика создания семейных музеев и необычайно выросший интерес к семейной родословной и превращение поисков родословной в процветающий рынок генеалогии, на котором действуют различные компании, а его информационным обеспечением заняты различные сайты, типа всемирно известного MyHeritage [4]. При этом именно семейная память является мощным ресурсом, с помощью которого возникают общественные движения, призванные институционализировать эту память и сделать ее общенациональным достоянием. Именно таким образом возникло движение «Бессмертного полка», которое играет важную роль в патриотической консолидации российской нации. При этом сама память о предках, прошедших Отечественную войну, актуализируется, а выход 9 мая с портретами участников войны их внуков и правнуков становится актом соединения семейной памяти и памяти нации.

Но, безусловно, решающую роль в процессе *институционализации исторической памяти*, т.е. превращение ее в некий **публичный культурный и политический ресурс**, играет *государство*. Оно формирует «социальный заказ», а его исполнением занята наука и в первую очередь это наука История. Однако, если в предшествующие эпохи история воспринималась профессиональными историками и простыми людьми как «наставница жизни», то опыт XX столетия с его мировыми войнами, холокостом и прочими актами массового геноцида привел интеллектуалов к разочарованию в позитивной направленности и предсказуемости исторического развития, что повлекло за собой сомнения в созидательной роли гуманитарного знания. К концу века все же укоренилось убеждение в том, что важнейшей функцией истории является сохранение и трансляция социальной памяти, которая стала рассматриваться как инструмент, с помощью которого общество приходит к самопониманию.

Но, как и память личная, институционализи- рованная историческая память носит избиратель- ный и творческий характер, а формы объяснения прошлого и смысловые акценты, которые подчер- киваются в историческом описании, определяются нормами и потребностями как современной культу- ры, так и политической конъюнктурой. Отсюда воз- никают и разные трактовки прошлого: от поисков и обоснований «золотого века» и «потерянного рая» до описаний «проклятого прошлого» и «темных времен», его прямого отрицания и осуждения.

Современная восточноевропейская политика памяти и «войны памяти»

Особенно значимой становится проблема от- ношения к прошлому тогда, когда общество прохо- дит через период серьезных социальных транс- формаций, ломки прежнего уклада жизни и прежних стереотипов мышления. На этом этапе в сознании людей обычно сталкиваются и уживаются рядом не схожие, а подчас и противоположные исторические сценарии и трактовки. И здесь начинается борьба за прошлое и те самые «войны памяти», о которых следует сказать несколько подробнее.

Показательным примером обращения с исто- рическим наследием является культурная политика Польши. До Второй мировой войны власти страны последовательно проводили линию на полонизацию этнических меньшинств, навязывание им ценности и нормы доминантной этнической группы. Самым масштабным свидетельством этого процесса стала опе- рация, проводившаяся в 1938 г. силами Войска поль- ского, в ходе которой была уничтожена треть право- славных храмов страны. Казалось бы, современная демократическая Польша не может повторять прак- тики, которая направлена на уничтожение культур- ных и памятных символов, поскольку она вступила в семью демократических наций Европы. Но в польской политике памяти прослеживается показа- тельная преемственность. Стерилизация культур- ного пространства страны продолжилась и в со- временную эпоху, когда Польша согласилась при- нять и признать культурные нормы и ценности Ев- ропейского Союза. В 2015–2016 гг. национальные и местные власти страны приступили к масштабному сносу памятников советским воинам, установлен- ным после окончания Второй мировой войны на улицах и площадях многих польских городов, заяв- ляя, что павшим место лишь на погостах. Уничто- жение памятников поддержал Институт националь- ной памяти Польши (созданный для расследования преступлений нацизма и коммунизма), ибо в со- временной польской версии исторической памяти, которую он поддерживает, не может быть места памяти о простых солдатах, отдавших жизни за по- беду над нацизмом, если эти солдаты «чужие».

Символическая война с собственным прош- лым и попытки за счет отрицания неудобных его страниц сконструировать образ непобежденной, торжествующей и при этом единой нации харак- терны для современных элит восточноевропейских го- сударств. Так, в Венгрии день заключения Триан- онского мирного договора в 1920 г. (согласно кото-

рому венгерская часть Австро-Венгерской империи сокращалась втрое и возникшая на руинах империи Венгрия теряла значительную часть «исконных вен- герских земель») празднуется в стране как День венгерского единства (в этот день устраиваются мероприятия у памятников, на которых очерчены границы «исторической Венгрии» – своеобразных надгробий на могиле «Великой Венгрии»), а корона святого Иштвана из Национального музея перене- сена в парламент и объявлена конституционным символом. Однако политика, ориентированная на «символический реванш» и использование идеи прошлого величия в современной жизни, как прави- ло, оборачивается ростом агрессивного национа- лизма, расизма и антисемитизма, что и наблюдает- ся ныне в восточноевропейских странах.

В постсоветскую эпоху в государствах Вос- точной Европы и Балтии получила распростра- нение концепция «двойного геноцида», сторонники которой уравнивали нацизм и коммунизм и считали, что оба режима одинаково преступны и в равной мере были склонны к актам геноцида. С одной сто- роны, эта концепция была призвана оправдать кол- лаборционистов из Литвы, Латвии, Эстонии, Венг- рии и ряда других стран, усилиями которых осуще- ствлялись акты массового уничтожения евреев в своих странах, и более того – изобразить их «идей- ными борцами» с коммунизмом. С другой стороны, – это явное стремление исказить саму суть политики геноцида, понимание которой строится, во-первых, на идеологии, оправдывающей уничтожение целых народов, а с другой, – на практиках физического истребления людей, приобретающей массовый и системный характер. Примером такой трансформа- ции понятия «геноцид» является экспозиция Музея геноцида в Вильнюсе. Примечательно, что этот му- зей в Литве обычно стараются называть «Музеем КГБ» и этим названием как бы символически сни- мается ответственность за уничтожение более 200 тыс. евреев (убитых на территории Литвы в годы немецкой оккупации самими литовцами, служив- шими у нацистов) и одновременно подмена назва- ния преследует цель стереть память о «Литовском Иерусалиме» (довоенное неофициальное название Вильнюса).

Сегодня в государствах Балтии, Восточной Европы и на Украине, как уже сказано, идут «вой- ны памяти» (и проводится специальная «политика памяти»), значение которых состоит в стирании из памяти нации не только неудобных исторических сюжетов, но и всего того, что требует ставить во- прос о ее ответственности за имевшие место пре- ступления. «Политика памяти» в ее восточноев- ропейской версии есть не столько стремление к про- зрению и познанию исторической правды, сколько явное историческое мифотворчество, имеющее целью превратить историю в «удобный» инстру- мент для политиков и для общества, не принимаю- щего идею общей ответственности и покаяния или отторгающего меньшинства и меньшинственные культуры, ибо народы Восточной Европы предста- ют не как ответственные творцы истории, но только как жертвы, которым поэтому можно простить все,

включая прежние преступления против человечности и современную дискриминацию меньшинств под предлогом их коллективной ответственности за преступления сталинизма, за прошлые обиды.

Болезненной темой дискуссий об историческом наследии является участие местного населения в истреблении евреев. Стремясь оправдать преступления, некоторые участники политических дебатов в этих странах утверждают следующее: евреи должны пенять на себя, поскольку они поддерживали советскую власть и сами были среди лидеров советизации в 1939–1940 гг. Союз писателей Литвы выпускает ежемесячный журнал «Metai», в котором в 1996 г. читатели могли прочесть статью писателя Йонаса Микелинскаса. В ней заявлялось, что в геноциде еврейского народа виноваты сами евреи, поскольку они массово поддерживали Советский Союз, за что и получили по заслугам. Ну, а если некоторые из литовцев и принимали участие в уничтожении евреев, то таких можно сосчитать по пальцам. Евреи же на протяжении всех шести веков проживания в Литве были враждебно настроены по отношению к литовцам.

Стоит заметить, что литовский агрессивный национализм (равно как латышский и эстонский) не только вызывает нарекания серьезных экспертов, но раздражает и некоторых представителей литовской творческой элиты. В частности, отношение к евреям, полякам и русским, которое укоренилось в литовском обществе, громко осудил известный публицист и поэт Томас Венцлова, который в июле 2016 г. опубликовал в журнале IQ статью «Я задыхаюсь», где он заявил, что сложившиеся в Литве культурные стереотипы не совместимы с современным плюралистическим обществом. Но, как это ни странно, нации, новейшая история которых связана с историческими травмами и болезненным переосмыслением прошлых ошибок и преступлений, ищут для себя комфортные модели объяснения прошлого через настоящее и через новое осмысление оппозиции «свой–чужой» не только в Европе, но и в Азии. В этом смысле восточноевропейское историческое мифотворчество в чем-то сродни японскому опыту «уничтожения истории» с помощью этнологии, которая призвана была обосновать уникальность японцев и японской культуры и за счет пропаганды «японизма» создать новую концепцию «японской нации», которой можно лишь любоваться как цветущей сакурой, но понять которую иностранцам невозможно, не говоря уже о том, чтобы осуждать какие-либо деяния этой нации и ее правящих кругов, совершенных в трагическом прошлом [5].

В Европе же борющиеся за политическое доминирование группы в обществах переходного типа, к которым относятся и все постсоветские страны, включая Россию, особое внимание обращают на т.н. «публичную», или «прикладную» историю», смысл которой нередко сводится не столько к популяризации профессионального исторического знания, сколько к обслуживанию отдельных групп, ассоциаций.

Важно заметить, что сегодня в ситуации культурного перехода оказались не только бывшие со-

ветские республики и страны так называемого социалистического лагеря. Миграционный кризис, кризис мультикультурализма, сложные социальные проблемы приводят к тому, что историческое прошлое начинает пересматриваться даже в достаточно стабильных и процветающих обществах и здесь тоже идет поиск «приемлемых для общества» способов объяснения прошлого.

К слову, долгое время удачным примером использования исторической памяти в деле воспитания гражданского сознания являлась французская система образования. Здесь в школьной программе существуют специальные уроки граждановедения, а главной целью французской школы является воспитание Гражданина. Но резкий рост численности иммигрантских общин и попытки примирить культурный плюрализм с интеграционной политикой привели к тому, что «объединяющий нацию миф перестал быть частью общественного сознания, поскольку школа больше не понимает должна ли она проповедовать единство или культурную отличительность» [6].

Упомянутая выше современная восточноевропейская политика памяти строится на отрицании целого исторического периода в жизни этих стран, маркировании социалистической эпохи исключительно как «темного времени». Такая позиция антиисторична, но важно то, что она примитивизирует историю вообще и приводит к убогости индивидуального восприятия истории. В этом смысле показателен пример с популярным телеканалом History. В одной из передач, посвященной Чехии, речь шла о чешской кухне и, отвечая на вопрос корреспондента программы почему чешская национальная кухня столь однообразна, шеф-повар одного из пражских ресторанов объяснил это наследием социалистической эпохи, хотя очевидно, что гастрономические традиции складываются веками и политический строй на них мало влияет. Но демонизация социалистического/советского прошлого стала универсальным способом объяснения всех общественных неурядиц в странах Восточной Европы, а равно и недостаточного разнообразия некоторых форм их материальной и духовной культуры.

Украинский исторический миф

Пожалуй, наиболее очевидными примерами инструментализации и политизации истории являются современные версии национальной истории Казахстана, Молдовы, Азербайджана, Украины и ряда других бывших советских республик. При этом пример выстраивания украинского исторического мифа наиболее показателен. Для начального этапа современной украинской государственности (1991–1994 гг.) было характерно активное использование истории в деле государственного строительства и формировании общенационального сознания. Историками доказывалась символическая связь между новоприобретенной украинской государственностью и государственным опытом Украинской Народной Республики, возникшей в ноябре 1917 г., но не признанной странами Антанты, *оговаривая при этом правопреемство и с УССР, во время кото-*

рой собственно и сформировались как территория страны, так и ее государственные институты. Первый президент Украины Л.Д.Кравчук объяснял проблемы начального этапа нациестроительства тяжелым наследием прошлого, представляя его как колониальную эксплуатацию Украины сначала имперской Россией, а затем тоталитарным советским режимом. Несмотря на провозглашенную многовекторность во внешней политике, следующий президент Л.Д.Кучма осторожно, но планомерно институционализировал историческую политику предшествующего периода [7]. И именно он «дал старт» историческому мифотворчеству и формированию радикального националистического мифа украинской истории.

«Исторический миф радикального национализма берет свои корни в работах украинских националистов межвоенного периода. В данном мифе воспроизводится идея непрерывности украинской государственности и нации, несмотря на её прерывность в историческом континууме. Особенностью рассказа о прошлом является удревнение истории вплоть до трипольской культуры и скифов... Ещё одной чертой является формирование “золотого века” на основе образа Киевской Руси, на который радикальные националисты проецируют свои взгляды и требования. Киевская Русь представляется как милитаризованная империя, которой противопоставляется сложившийся на Украине слабый и зависимый от внешних игроков политический режим. Исторический миф содержит в себе убежденность в деградации нации и государства, обусловленной русским колониальным господством, потерей государственности, духовной деградацией народа, неработающими общественными институтами. Культурный расизм вместе с этноцентризмом и эссенциализацией психологических различий также являются характерными чертами исторического мифа радикальных националистов» [7, с. 22–23].

Однако еще до полного утверждения радикального националистического мифа украинская история подверглась глубокой ревизии и произошло это в период 2005–2010 гг. В эти годы главной темой стали «миф о Голодоморе» и Украине как основной жертве тоталитарного советского режима, а также героизация борцов с советским строем – членов ОУН-УПА. Главная роль в этой политике принадлежала президенту В.А. Ющенко и его окружению, которые активно использовали историю для легитимации своих политических идей и взглядов. В 2006 г. был создан Украинский институт национальной памяти (УИНП), который создавался как важнейший инструмент, способствующий реализации государственной политики в сфере истории. На Украине подчеркивалось, что миссией Института национальной памяти должны стать «восстановление исторической правды» и новое прочтение истории Украины. На следующем этапе происходит некоторый пересмотр прежних исторических мифов. Так, в частности, политики и историки отказались от позиционирования голода 1932–1933 гг. («Голодомора») как геноцида украинцев. В политическом дискурсе происходит синтез риторики

обыденного национализма и советского опыта меморативных практик. При В.Ф.Януковиче в начале 2011 г. УИНП становится только научно-исследовательским учреждением, теряя свое значение института исторической политики. Но одновременно усиливаются попытки изменить языковую реальность и потому усиливаются призывы «очистить» национальный язык, “загрязненный” влиянием языка русского, осуществить орфографическую реформу языка». Требования такого рода реформы направлены на то, чтобы изменить национальную идентичность членов украинского общества и ослабить культурные связи с «бывшей империей» [8]. Кульминацией постсоветского исторического мифотворчества и «национализации истории» стал период, начавшийся после событий Евромайдана (2014 г.) и государственного переворота. УИНП вновь обретает статус органа исполнительной власти и инициирует принятие в апреле 2015 г. так называемого «мемориального пакета законов», посвященных оценке советского исторического наследия: осуждению СССР как коммунистического тоталитарного режима, ревизии советской версии Великой Отечественной войны, приравнению коллаборационистов из ОУН-УПА к солдатам Красной армии, уничтожению символов советского прошлого, «украинизации топонимики».

Усилия политиков, активно использующих националистическую риторику представить агрессивный национализм как позитивную практику нациестроительства и изобразить украинскую нацию как этноцентричное сообщество, привели к тому, что часть украинского общества, особенно в областях юга и юго-востока Украины, перестала воспринимать себя естественной составляющей украинской нации. В официальном украинском политическом дискурсе принадлежность к нации требует от человека полной ассимиляции, отказа от русского или любого иного языка и, наоборот, – исключения из членов нации всех, кто не согласен с подобным положением дел и не готов считать события Евромайдана одной из основополагающих основ современной украинской государственности. Подобная модель нации таит угрозы для будущего страны и провоцирует внутренние конфликты. И в этом смысле стоит сослаться на замечание Этьена Франсуа: «Выбирая способ увековечить прошлое, нация одновременно выбирает свое будущее» [9].

Воспитание историей

Особое значение для формирования исторического сознания имеют так называемые места памяти, предназначение которых – воспитание историей. Места памяти представляют собой реальные или символические места, в которых воплощается коллективная память сообщества. Сейчас в Америке и в ряде других стран распространено мнение, что воспитание гражданской идентичности в значительной мере берет на себя так называемое образование наследием (heritage education), которое осуществляется через многочисленные музейные экспозиции, памятные места и экскурсии, а также через общественную среду в целом, включая семейное воспитание.

Воспитание историей – давний и важный инструмент в арсенале социальной инженерии. Музеи становятся важнейшим институтом государственностроительства. На примере постсоветского пространства отметим, что у новых государств обычно мало ресурсов для музейного строительства, но они музеефицируют все, что можно узурпировать в пользу господствующего взгляда на природу государственных сообществ и их прошлое. Часто политические элиты этих государств изначально выбирают позицию избирательной презентации исторической памяти. «Мы – очень малые и можем представить лишь историю своей оккупации», – как бы говорят новые музейные экспозиции и даже целые «музеи оккупации» в Риге и Тбилиси. Пожалуй, лишь в Китае принята установка на «музеи для социальной гармонии», а экспозиции китайских музеев, помимо партийной идеологии, стремятся продемонстрировать в первую очередь глубину и целостность общекайтайской историко-культурной традиции, хотя прошлое страны дает более чем достаточно материала для показа иностранного владычества, внутрикитайских конфликтов и трагедий.

«Хэритидж» имеет много аспектов, в том числе и туристско-развлекательный, но главное – он вызывает у человека гораздо больший, подлинный интерес, нежели выучивание домашнего задания. *Образование через наследие помогает понять значение и место истории в настоящем, создает образ события или эпохи, чего, как правило, не может сделать учебный текст. Ознакомление с наглядными свидетельствами прошлого порождает важное ощущение, что все имеет историю, а отсюда рождается вкус к истории и развивается интерес уже за пределами школьного класса.*

Конечно, у воспитания историческим наследием есть свои ограничители, не позволяющие ему вытеснить традиционное историческое образование, которое происходит через учебные образовательные курсы и канонические тексты. Памятники и другие прямые свидетельства, если только при этом нет сопровождающего исторического описания (через путеводитель или экскурсовода), несут в себе неполную историческую информацию, которая воспринимается без эмоций и с трудно уловимым чувством временной дистанции. Наконец, в образовании наследием заключена опасность антиуниверсализма: познается только то в истории, что можно увидеть в музее, вокруг себя или в случайных поездках по стране и миру. Именно поэтому «хэритидж», даже если он менее политизирован, чем учебный текст, – всего лишь дополнительный инструмент в формировании исторического сознания» [10].

Сегодня *понятия истории и наследия усложняются с усложнением состава населения стран и регионов.* Современные нации имеют в своем составе этнические и религиозные группы, а также регионально-отличительные сообщества, которые конструируют свои собственные версии исторической памяти. Не только аборигенные группы, но и иммигрантские сообщества хотят «видеть себя в истории». Канадцы одними из первых создали

еще в 1970-е гг. серию трудов о вкладе в историю и культуру страны разных иммигрантских групп населения (итальянцев, украинцев, русских, норвежцев и др.). Эту практику подхватили и другие страны.

В настоящее время современные нации и их самосознание уже не являются заложниками исторической памяти, как это было полвека назад. Национальная история стала полем конкуренции разных версий гораздо в большей степени, чем это было в эпоху «молчаливого большинства» и безгласных меньшинств. К примеру, православные фундаменталисты в России активно выступают против «кошунственных произведений искусства», включая фильмы на исторические темы и нестандартные трактовки исторических событий, имеющих важный символический смысл [11]. Такое положение дел ведет к фрагментации холистских (целостных) версий истории государств, вызывая тем самым недовольство части носителей доминирующей культурной традиции, политической элиты, больше других обеспокоенных общегражданской солидарностью, а также представителей государственной сферы образования, ответственных за содержание учебных программ, учителей и учебники.

Теперь в учебниках по истории Канады на первом месте оказываются региональные проблемы, сюжеты так называемой социальной истории, исторический опыт этнических групп, а совсем не деяния, создававшие единую канадскую нацию. Особенно это касается Квебека, где история остальной Канады изображается как некий «чуждый сценический задник» (alien backdrop). По мнению Грэнатстейна [12], доктрина мультикультурности подрывает ощущение того, что иммигранты прибывали в страну, которая уже имела свою культуру. Эта доктрина порождает среди иммигрантов и среди франкофонов Квебека убеждение, что у Канады нет национальной культуры и, значит, нет канадской нации. С похожей критической оценкой национальных историографий и с критикой министерств образования, отказавшихся от общих программ и стандартов по истории, выступили до этого американка Г.Химмелфарб и англичанин Р. Эванс [13].

Есть еще один важный вопрос: как развести два фундаментальных понятия – «история как описание прошлого» и «историческое наследие как часть культурного капитала человека и нации»? Эти два понятия связаны друг с другом, но не идентичны. Как пишет Д. Лоуэнталь [15], «наследие вообще не является историей, хотя оно пользуется и одушевляется историческим исследованием. Наследие не экскурс в прошлое, а прославление прошлого, не попытка познать, что действительно было, а исповедание (практика) веры».

Реакцией на фрагментацию национальных версий истории стало возобновление дебатов о «культурном каноне» или о единых стандартах в обучении истории и даже о едином учебнике по истории в масштабах Европейского союза. В последние годы наблюдается своего рода бум на создание исторических канонов, включая региональные и местные каноны, которые тесно интегрированы в

подобные национальные документы. В 2010 г. в Нидерландах, где в тот год проводился XI Всемирный конгресс историков, был принят закон «Культурный канон Голландии». В нем обозначены 50 ключевых тем национальной и всемирной истории, которые должны в обязательном порядке присутствовать в школьном историческом образовании. Причем это было не просто обозначение тем, а их содержательная трактовка, разделяемая историками-профессионалами, и обществом. С 2007/08 учебного года в голландском историческом образовании введены две программы: дети с 8 до 14 лет должны изучать все 50 тем – от каменного века до введения денежной единицы евро, а учащиеся старших классов (15–18 лет) изучают европейскую историю с особым упором на историю Голландии. Цель новых программ состоит в том, чтобы усилить национальную идентичность и более полную интеграцию этнических и религиозных общин через систему общего знания голландской истории и культуры [15].

Региональная история и место регионального исторического знания в воспитании гражданской идентичности

Новая историческая культура пытается решить проблему совмещения местных и локальных историй с историей общенациональной, хотя это не всегда получается. «В той же Канаде три десятилетия спустя после рождения политики многокультурности (официально это произошло в 1972 г.), частью которой и была серия книг по истории этнических групп, известный историк (потомок иммигрантов во втором поколении) Дж. Грэнатстейн написал книгу под названием «Кто убил историю Канады?». В ней автор заявил, что в Канаде историческое сознание исчезает, что наступает историческая амнезия, что у нации отнимается ее общее прошлое. Причиной тому является образовательная политика на уровне провинций, которой отдано на откуп преподавание истории» [10]. Многие претензии, которые высказываются канадскими специалистами по отношению к современным попыткам переосмысления истории, можно предъявить и к тому, как формируются региональные версии истории в России, в том числе в Коми. На наш взгляд, обществу предъявляются объяснительные модели прошлого, сформировавшиеся еще в советские годы, явно упрощающие и порой искажающие исторический процесс.

Однако мы не ставим задачу критической оценки современного регионального исторического нарратива, ибо это тема отдельного и очень серьезного исследования. Нам важно определить, в какой мере в местном сообществе актуален запрос на историческое знание как инструмент формирования регионального и общероссийского патриотизма и как осуществляют эту миссию учебные заведения Коми.

В этом смысле весьма показательное исследование, проведенное под методическим руководством Института этнологии и антропологии РАН в целом ряде российских регионов, включая Коми. В

рамках этого исследования весной 2017 г. одновременно проводился опрос экспертов, школьников и их родителей. Согласно результатам опроса, большинство экспертов признают, что в учебных заведениях осуществляется важная гражданская миссия – формирование гражданского сознания у школьников. При этом чувство гордости за Россию, по мнению экспертов, формируют как естественные науки (балл 2.8 в Коми, 3.5 – в Удмуртии, 4.2 – в Марий Эл, 4.3 – в Мордовии), так и история, краеведение, естествознание (балл 3.9 – в Коми, 4.2 – в Удмуртии, 4.5 – в Марий Эл, 5.0 – в Мордовии). Примерно то же самое было сказано о роли названных предметов в формировании чувства патриотизма (и здесь очевидный «лидер» история – 3.9 балла в Коми, 4.2 – в Удмуртии, 4.6 – в Марий Эл и максимум – 5.0 баллов – в Мордовии). Но, пожалуй, наиболее показательны ответы на вопрос, в какой мере практика преподавания различных предметов школьного курса способствует формированию общероссийской идентичности. Большинство экспертов в Республике Коми заявили о том, что такую задачу в школе должны решать история, география, краеведение, а также языки и литература, т.е. школа, по их мнению, объективно ориентирована, прежде всего, на пропаганду общероссийских ценностей. С таким утверждением практически единодушно как опрошенные в ходе исследования школьники, так и их родители.

Здесь важно обратить внимание политиков и чиновников от образования на то, что представители учащейся молодежи, участвовавшие в опросе, продемонстрировали приоритет гражданско-государственной идентичности: **подавляющее большинство предпочитают, чтобы в повседневной жизни окружающие воспринимали их в первую очередь как граждан России:** до 87% в Марий Эл, более 89% в Коми, 81% в Удмуртии и 80% в Мордовии (примерно такие же данные были получены и при опросе в областях). Но самое главное, что эксперты указали на очень высокую роль названных предметов этнокультурной направленности в формировании представлений о культурном многообразии России (что не вполне согласуется с ключевыми положениями местных концепций этнокультурного образования). Так, 89% экспертов в Коми отметили, что эту функцию исполняют история, география, а 92 % – языки и литература. *При этом эксперты критически оценили способность школьного образования в республике формировать у учащихся гражданское самосознание.* И это не случайно. Доказательством тому служит содержание Концепции этнокультурного образования, принятой в Коми в 2015 г.

Там, в частности, сказано: «**Основой этнокультурного образования является освоение этнической культуры коми народа (курсив наш)** в диалоге с культурами русского и иных этносов, проживающих в Республике Коми...» [16]. Однако представляется, что **основой этнокультурного образования является воспитание у учащихся адекватных представлений о многонациональной природе Российского государства (много-**

национальном российском народе – российской нации) и исторически сформировавшейся поликультурности республиканских и местных сообществ, воспитание культуры толерантности у учащихся. А *главная цель* системы этнокультурного образования должна состоять в **формировании у учащихся представлений о национальном единстве россиян.**

Этническая культура русского старожильского населения и других этнических групп выпадает из системы этнокультурного образования Коми, ибо их культурные традиции, согласно заявленной цели, оказываются на периферии этнокультурного образования, в некоем малопонятном «диалоге» с доминантной культурой, как можно понять из невнятного содержания концепции. Отсутствие однозначной гражданской направленности в республиканской модели этнокультурного образования ведет к тому, что учащиеся не получают системных представлений о культурном многообразии республики, а равно и России, в чем неоднократно убеждался на собственном педагогическом опыте один из авторов.

Таким образом, очевидно, что в республике (как и в ряде других регионов РФ) до сих пор нет понимания этнокультурного образования как широкого образовательного процесса, связанного с пропагандой культурного многообразия этой территории, сложившегося исторически [17], воспитанием ГРАЖДАНИНА РОССИИ.

Способы обращения к истории

Сегодня преподавание истории – одна из самых важных и постоянно обсуждаемых образовательных проблем. Следует признать, что в обществе существует несколько способов обращения к истории. Один из них – научная историография, т.е. академическая версия прошлого, написанная профессиональными историками на основе документальных источников и дисциплинарных правил создания исторических описаний. Но есть и так называемая фольк-история (народная или устная история), есть история, воплощенная в местах памяти, музейных экспозициях, календаре и топонимике, в популярных ныне исторических реконструкциях. Есть история этнического и этноконфессионального самосознания – своего рода история формирования, конструирования, эволюции идентичности народа или регионально-этнических сообществ в рамках одного государства (например, в Усть-Цилемском районе Республики Коми за последние годы создано более десятка семейных музеев, в которых зафиксирована историческая память усть-цилемских староверов). Наконец, в современную эпоху мы обязательно должны говорить о медийном варианте исторической презентации, воплощенной в многочисленных исторических сериалах, блокбастерах, телевизионных шоу, подобных тому, что существует на Пятом канале РТ – телевизионном проекте «Суд времени». Скорее всего, корректнее было бы назвать все указанные варианты жанрами исторических презентаций, но в некоторых аспектах они больше, чем жанр. Так, например,

создатель фильма на историческую тему может пренебречь фактической корректностью, исторической последовательностью и даже позволить себе очевидный вымысел, если того требует творческий замысел. Драматическая сторона телевизионных шоу есть антипод академической трактовки тех же самых тем и проблем. Но все названные варианты историй имеют отношение к формированию национального самосознания.

«В каком-то смысле школьная история есть одна из особых форм бытования и использования исторического знания. Ее отличительная черта – наличие очевидного политического воздействия и правительственного контроля, и прежде всего через такие механизмы, как учебные планы и программы. Казалось бы, такой нейтральный механизм, как план и сетка учебных часов, на самом деле может значить многое, а именно: сколько физического времени отводится в школьных классах на изучение истории, главным образом, национальной истории. Объем и глубина знаний о собственной стране напрямую зависят от того, насколько подробно или селективно преподается соответствующий предмет. Кроме того, школьная история является своего рода вариантом истории официальной. Во многих государствах содержание программ утверждается правительствами, и согласно закону учителя обязаны включать в уроки истории те темы, которые трактуют национальную историю с некоторыми различиями. В западных странах по этому поводу происходят общественные дискуссии, но все равно учебные версии – не рыночный продукт. Последним очевидно, являются телевизионные исторические сериалы, которые могут иметь большую популярность и воздействовать на восприятие прошлого не менее эффективно, нежели школьные версии национальной истории. И все же *при всей критике исторических учебников для школы, они остаются основным инструментом обучения истории*» [11].

За последние полвека содержание школьных историй изменилось. В центре осталась история собственной страны, однако это уже не только политическая, но и социальная история, включающая историю всех основных групп населения (этнических, расовых, религиозных) и социальных слоев (женщины, молодежь, старшее поколение, инвалиды и т.д.). Изменился метод обучения истории, сделавший предмет истории менее авторитарным и не таким монолитным, как катехизис. В ряде стран внедрились источниковый метод, когда ученик больше задумывается над историческими свидетельствами и рассматривает их с разных точек зрения. В 1970–1980-е гг. был популярен «ценностный подход», когда детей обучали не столько хронологической последовательности событий, сколько тому, как понимать те или иные исторические факты (неравенство, насилие, патриотизм, толерантность и т.п.). Однако хронологический подход остался доминирующим, по крайней мере, в европейской учебной традиции.

Степень изоляционизма национальных версий разная в различных странах. Во французских или итальянских школьных учебниках можно встре-

тить ссылки на Великобританию при изучении истории индустриализации, парламентской демократии или конституционной монархии, но из английских учебников ученики мало что узнают об истории Италии и Франции. Сравнительный контекст – один из критериев открытости или изоляционизма школьной истории. В этом отношении российские учебники выглядят гораздо предпочтительнее: к примеру, о революциях, национально-освободительных и социальных движениях, а также о войнах российские школьники получают вполне достаточные сведения, причем не только на отечественных материалах.

На заключительном пленарном заседании XXI Всемирного конгресса историков в Амстердаме с лекцией выступила известная голландская писательница Неллеке Ноордервлиет – автор исторических романов и биографий. В лекции голландской просветительницы были положения, заслуживающие внимания. А начиналась она с нелестной характеристики музы истории Клио: «Каждый знает, что Клио – это шлюха. Она сидит перед окном в квартале красных фонарей. Игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин и предоставляет им все, чего они пожелают: быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, необузданную страсть, и все это делает без особого напряжения. Такова ее игра, но, кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто ее спрашивает об этом. Она выглядит вечно молодой, хотя стара, как и мир, и уж, конечно, старше своей профессии».

По мнению Ноордервлиет, в Голландии и в других европейских странах возобновленный интерес к истории связан, прежде всего, с проблемой идентичности, которая, в свою очередь, вызвана неопределенностью и быстрыми переменами современной жизни, массовой иммиграцией и утратой корней. Считается, что люди обращаются к музе истории в поиске комфорта, индивидуального и коллективного признания и что в целом такое обращение – процесс позитивный. «Чем больше толпа жаждущих у красного фонаря, возле окна Клио, тем лучше. Но я не думаю, что дело обстоит именно так, и именно это собираюсь обсуждать с вами сегодня», – сформулировала свою цель докладчица [11].

Действительно, история важна с точки зрения своей общественной цели – воспитания добродетельного, ответственного гражданина. В этом случае перемены и кризисы, с которыми сталкиваются государственные сообщества, заставляют их искать ответы на вопросы, что было правильным, а что нет в том, каким образом мы создавали сегодняшнее общество. «Куда идет Россия?» или «Что мы построили?» – такие вопросы являлись основой любимых тем авторитетных гуманитарных собраний на протяжении многих лет в нашем Отечестве. Обсуждали их больше всего экономисты, политологи, социологи и меньше всего – историки.

Поиск ответа на сегодняшнюю ситуацию, считает Ноордервлиет, входит в задачу историка, ибо он несет ответственность не только за живущих, но и за тех, кто жил в прошлом. Он должен быть честным по отношению к ушедшим. Историк как бы говорит от имени умерших, и в этом состоит его особая ответственность.

К сожалению, в России «в настоящее время государственная политика памяти не имеет ни четко выраженных идеологических ориентиров, ни научной основы. Разумеется, власти стремятся интуитивно найти и поддержать пантеон бесконфликтных, так называемых “консенсусных” объектов исторической памяти (Александр Невский, Минин и Пожарский и др.), однако системного подхода к формированию задач исторической политики в современной России нет» [18].

Заключение

Таким образом, понятно, что важнейшие функции исторической памяти – это формирование гражданина и укрепление общей гражданской идентичности. В силу своей социальной и политической значимости эта сфера культурного наследия народа может играть как позитивную роль в обществе, способствуя его консолидации, так и негативную, когда с помощью манипуляций историческим наследием общество пытаются разделить на разные культурные страты, а трактовки прошлого подстраиваются под политическую конъюнктуру и интересы господствующих групп.

Литература

1. *Дробижева Л.М.* Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтничного сообщества//Этническое и религиозное многообразие России/Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2018. С.110.
2. *Соколова М.В.* Что такое историческая память? URL: <http://pish.ru/blog/archives/142>
3. *Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. С.8–9.
4. *Денисенко К., Скоробогатый П.* Золотая родословная// Эксперт. 2018. № 17–19 (1073). С.34–39.
5. *Мещеряков А.Н.* Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории//История и современность. 2008. №1. С.175–188.
6. *Филиппова Е.* Территории идентичности в современной Франции. М., 2010. С. 95.
7. *Плеханов А.А.* Инструментализация истории в политике нацистроительства Украины в постсоветский период: Автореф. дис. на соиск. уч.ст.канд.ист.наук. М., 2018. С.14–15.
8. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб., 2012. С.131.
9. *Франсуа Этьен.* «Места памяти» по-немецки//Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С.33.

10. *Тишков В.А.* Новая историческая культура. М.: Изд-во Психол.и социальн. ин-та, 2011. URL:<http://uchebana5.ru/cont/1018427-p6.html>
11. *Шнирельман В.А.* Православные фундаменталисты России в эпоху «культурных войн»// Этническое и религиозное многообразие России/Под ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018.
12. *Granatstein. Jack L.* Who Killed Canadian History? Toronto, 1999. См. также критический памфлет: MacMillan M. The Uses and Abuses of History. Toronto: Viking Canada, 2008.
13. *Himmelfarb G.* The New History and the Old. Critical Essays and Reappraisals. Rev. ed. Harvard. Mass. 2004; *Evans R.* In Defence of History. W.W.Norton & Company. Toronto, 2000.
14. *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. London, 1997. P. X, 110–111.
15. *Vos M. de.* The Return of the Canon: Transforming Dutch History Teaching. History Workshop J. 2009. Vol. 67. № 1. P. 111–124.
16. *Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021 гг.* URL: http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitiya_etnokulturnogo_obrazovaniya_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/
17. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X– начало XX в. М.: Наука, 1982.
18. *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследований исторической памяти в России//Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. История. Вып. 2. С.118.
6. *Filippova E.* Territorii identichnosti v sovremennoi Francii [Territories of identity in modern France]. Moscow, 2010. P. 95.
7. *Plekhanov A.A.* Instrumentalizaciya istorii v politike naciestroitelstva Ukrainy v postsovetskii period [Instrumentalization of history in the policy of the nation-building of the Ukraine in the post-Soviet period]: Abstract of diss... Cand. Sci. (History). Moscow, 2018. P. 14–15.
8. *Achkasov V.A.* Politika identichnosti multi-etnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti [Identity policy of multi-ethnic states in the context of solving the problem of security]. St.Petersburg, 2012. P.131.
9. *Francois Étienne.* “Mesta pamyati” ponemetski // Imperiya i naciya v zerkale istoricheskoi pamyati [“Places of memory” in German // Empire and the nation in the mirror of historical memory]. Moscow, 2011. P.33.
10. *Tishkov V.A.* Novaya istoricheskaya kultura [New historical culture]. Moscow: Moscow Psychol. and Social Inst. Publ., 2011. URL: <http://uchebana5.ru/cont/1018427-p6.html>
11. *Shnirelman V.A.* Pravoslavnye fundamentalisty Rossii v epokhu “kulturnykh voin” // Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Orthodox fundamentalists of Russia in the era of “cultural wars” // Ethnic and religious diversity of Russia] / Eds. V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. Moscow: IEA RAS, 2018.
12. *Granatstein Jack L.* Who killed Canadian history? Toronto, 1999. See also critical pamphlet: MacMillan M. The Uses and Abuses of History. Toronto: Viking Canada, 2008.
13. *Himmelfarb G.* The new history and the old. Critical essays and reappraisals. Rev. ed. Harvard. Mass. 2004; *Evans R.* In defense of history. W.W.Norton&Company. Toronto, 2000.
14. *Lowenthal D.* The heritage crusade and the spoils of history. London, 1997. P. X, 110–111.
15. *Vos M. de.* The return of the canon: transforming Dutch history teaching. History Workshop J. 2009. Vol. 67. No.1. P. 111–124.
16. *Концепция развития этнокультурного образования в Республике Коми на 2016–2021гг.* [The concept of development of ethnocultural education in the Komi Republic for 2016–2021]. URL:http://komishkola.ucoz.ru/news/koncepcija_razvitiya_etnokulturnogo_obrazovaniya_v_respublike_komi_na_2016_2021_gg/
17. *Zherebtsov L.N.* Istoriko-kulturnie vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami [Historical and cultural relations of the Komi with neighboring nations. X–early XX century]. Moscow: Nauka, 1982.
18. *Rostovtsev E.A., Sosnitsky D.A.* Research directions of historical memory in Russia // Bull. of St.Petersburg Univ. 2014. Series 2. History. Issue 2. P.118.

References

1. *Drobizheva L.M.* Grazhdanskaya rossiiskaya identichnost: dinamika i potencial v konsolidacii polietnicheskogo soobshchestva/ Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Civil Russian identity: dynamics and potential in consolidating a polyethnic community // Ethnic and religious diversity of Russia] / Eds. V.A.Tishkov, V.V.Stepanov. 2nd edition, revised and updated. Moscow, 2018. P.110.
2. *Sokolova M.V.* Chto takoe istoricheskaya pamyat'? [What is historical memory?] URL: <http://pish.ru/blog/archives/142>
3. *Leontyeva O.B.* Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi culture XIX-nachala XX vv. [Historical memory and images of the past in the Russian culture of the XIX - early XX centuries]. Samara, 2011. P.8–9.
4. *Denisenko K., Skorobogaty P.* Zolotaya rodoslovnaya [Golden pedigree]// Expert. 2018. No. 17-19 (1073). P.34–39.
5. *Meshcheryakov A.N.* Poslevoennaya Yaponiya: etnologicheskoe unichtozhenie istorii// Istoriya i sovremennost' [Postwar Japan: ethnological destruction of history // History and modernity]. 2008. №1. P.175–188.

Статья поступила в редакцию 14.05.2019.